

Айзек
АЗИМОВ

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Я, РОБОТ

Все о роботах и роботемике

Айзек Азимов
Риск
Серия «Рассказы о роботах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157974

Я, робот: Эксмо; 2005

ISBN 5-699-13798-X

Оригинал: Isaac Asimov, "Risk"

Перевод:

Е. В. Дорошенко

Аннотация

Эксперимент по выходу в гиперпространство сорван! Чтобы узнать причину, нужно попасть на корабль. Но вот беда— корабль в любую секунду может оказаться на другом конце галактики.

Айзек Азимов

Риск

На Гипербазе долго ждали этого дня, В обзорной галерее расположились – в строгом соответствии с протоколом – чиновники, ученые, техники и множество других людей, которых можно обозначить одним словом; персонал. Все ждали – кто с надеждой, кто с тревогой, кто затаив дыхание, кто с нетерпением, а кто со страхом, – ждали решающего момента, кульминации всей их работы.

Полый астероид, известный под названием Гипербаза, был окружен в этот день стеной непроницаемой секретности в радиусе десятков тысяч миль. Ни один корабль не мог проникнуть за нее, не будучи уничтоженным. Ни одно сообщение не могло пересечь ее без проверки.

Примерно в сотне миль от Гипербазы уже год аккуратно двигался по правильной круговой орбите маленький астероид. Его номер был X 937, но на Гипербазе его называли не иначе, как «Он» («Ты на Нем сегодня был?», «Генерал на Нем, устраивает разнос»), и в конце концов обыкновенное местоимение перешло в разряд имени собственного.

На Нем, уже опустевшем в преддверии времени «0», стоял «Парсек», уникальный корабль, какого еще не было в истории человечества. Беспилотный корабль был готов к старту в глубины непостижимого.

Джералд Блэк, занимающий, как и подобает блестящему молодому специалисту в области физики поля место в первом ряду, похрустел суставами, вытер потные ладони о запятнанный белый халат и угрюмо спросил:

– А почему бы вам не переключиться на генерала или на ее светлость – вон они сидят?

Найджел Ронсон из Интерплэнетери Пресс мельком взглянул на генерал-майора Ричарда Кэллнера в ослепительной парадной форме и на неприметную женщину, совсем теряющуюся в этом блеске. Он ответил:

– Я бы так и сделал: но меня интересуют новости. Ронсон был низенький и толстенький человек. Он старательно подражал расхожему образу популярного журналиста: волосы тщательно подстрижены коротким ежиком, воротник рубашки расстегнут, а брюки доходят только до щиколотки. Но профессионал он был хороший.

Блэк был коренаст, под темными волосами открывался низкий лоб, но ум его, по контрасту с тупыми концами сильных пальцев, был необычайно остер. Он сказал:

– Новости надо узнавать у них.

– Чепуха, – заявил Ронсон. – Без шитого золотом мундира Кэллнер – пустое место. Раздеть его – и останется автомат, медленно передающий вниз приказы и поспешно отфутболивающий наверх ответственность за решения.

Блэк чуть не улыбнулся, но одернул себя.

– Ну а мадам доктор?

– Доктор Сьюзен Кэлвин из «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мэн Корпорейшн», – пропел журналист. – Дама с гиперпространством вместо сердца и глазами, изливающимися жидкий гелий, Она пройдет сквозь Солнце и выйдет с другой стороны в скафандре из застывшего пламени.

Блэку стоило еще большего труда сдержать улыбку.

– А директор Шлосс?

Ронсон бойко затараторил:

– Слишком много знает. Пытается поддерживать в своем собеседнике тлеющий огонек интеллекта, и одновременно – не ослепить упомянутого собеседника блеском своего. В результате ничего интересного сообщить не в состоянии.

На этот раз Блэк оскалился.

– Ну, а если я попрошу объяснить, почему вы пристали ко мне?

– Очень просто, доктор. Я на вас посмотрел и решил, что вы слишком уродливы для дурака и слишком умны, чтобы упустить шанс получить некоторую известность.

– Напомните мне как-нибудь, чтобы я хорошенько вам врезал, – сказал Блэк. – И что же вас интересует?

Журналист из Интерплэнетери Пресс показал пальцем на корабль и спросил:

– Эта штука сработает?

Блэк тоже посмотрел вниз и ощутил легкий озноб, как дуновение ветерка ночью на Марсе. Смотровое окно представляло собой большой телеэкран, разделенный на две полови-

ны. Одна половина давала полный обзор Его неровной поверхности, на которой стоял «Парсек», слабо сияя в бледных лучах солнца. На второй половине экрана был виден пульт управления «Парсека». В помещении было пусто. В кресле пилота помещался предмет, отдаленно напоминающий человека, но ошибиться было невозможно – это был всего-навсего позитронный робот.

Блэк ответил:

– В физическом смысле – да, сэр, сработает, То есть робот улетит и вернется. В этом отношении мы преуспели. Я все это наблюдал. Я приехал сюда через две недели после защиты диплома по физике поля, и с тех пор, если не считать отпусков и увольнительных, я все время здесь. Я был здесь, когда мы первый раз отправили через гиперпространство на орбиту Юпитера кусок металлической проволоки, – и получили обратно металлическую стружку. Я был здесь, когда мы отправили туда белых мышей. Обратно вернулся мясной фарш.

После этого у нас ушло полгода на создание равномерно-го гиперполя. Нам пришлось устранять отставание в десяти-тысячные доли секунды, возникающее в различных точках материи при путешествии в гиперпространстве, После этого белые мыши стали возвращаться целыми и невредимыми. Помню, мы праздновали целую неделю, когда первая белая мышь вернулась живой и сдохла только через десять минут. Теперь после возвращения они живут, пока за ними есть

уход.

– Здорово! – сказал Ронсон.

Блэк посмотрел на него искоса.

– Я сказал, что в физическом смысле все сработает. Эти белые мышцы...

– Что?

– У них ум отшибает. Даже их крохотный мышинный ум. Они отказываются есть. Их надо кормить искусственно. Не совокупаются. Не бегают. Они просто сидят. Сидят. Сидят. Вот и все. В конце концов мы добились того, что сумели отправить туда шимпанзе. Это был кошмар. Он слишком похож на человека, поэтому зрелище – невыносимое. Вернулся ползающий кусок мяса. Он мог двигать глазами и иногда дергать лапами. Он скулил; сидя в собственных испражнениях и не пытаясь передвинуться. В конце концов его кто-то пристрелил, и мы все вздохнули с облегчением. Пойми, приятель, из гиперпространства в своем уме еще никто не возвращался.

– Это можно опубликовать?

– Может быть – после эксперимента. Они возлагают на него очень большие надежды. – Блэк слегка покривился.

– А вы нет?

– С роботом у пульта управления? Нет.

Блэк невольно вспомнил тот эпизод, когда несколько лет назад по его вине случайно чуть не потерялся робот. Он подумал о роботах серии Нестор, которые принесли с собой на

Гипербазу свой ровный, прочный интеллект и изъяны, оказавшиеся оборотной стороной их совершенства. Что толку рассуждать об этом? Читать проповеди – не его призвание.

Но Ронсон, заполняя затянувшееся молчание болтовней, сказал, заменяя одну жевательную резинку другой:

– Только не говорите мне, что вы противник роботов. Считается, что все ученые – их сторонники.

У Блэка лопнуло терпение.

– Да, действительно. В том-то и дело. Технологическое сознание помешано на роботах. Любую работу должен делать робот, иначе главный инженер считает, что он в дураках. Вам нужен упор для двери? Купите робота с массивными ногами. Это даже не смешно. – Он говорил тихим, напряженным голосом, прямо в ухо Ронсону.

Ронсону удалось наконец высвободить свою руку.

– Я же не робот, – сказал он. – Не вымещайте злость на мне. Я человек. Гомо сапиенс. Вы мне руку чуть не сломали, разве это не доказательство?

Однако шуткой Блэка уже было не пронять.

– Знаете, сколько времени впустую потрачено на этот проект? Мы построили идеального неспециализированного робота и дали ему одну команду. Всего одну. Я слышал этот приказ. И запомнил его. Кратко и мило. «Крепко схвати рычаг. Притяни его к себе, держи Крепко. Крепко! Держи до тех пор, пока с пульта управления не поступит информация, что ты дважды пересек гиперпространство».

Итак, когда наступит время «0», робот схватит рычаг управления и крепко притянет его к себе. Его руки нагреты до температуры человеческого тела. Когда рычаг примет нужное положение, тепловое расширение обеспечит полный контакт, и образуется гиперполе. Если на пути с мозгом робота что-то случится – неважно. Все, что от него требуется, – на долю секунды привести рычаг в рабочее положение; корабль в любом случае вернется, и гиперполе исчезнет. Все предусмотрено. После этого останется только изучить реакции позитронного мозга и узнать, что в них нарушилось, если, конечно, это произошло.

Ронсон удивленно сказал:

– Но мне все это кажется очень разумным.

– Да? – ехидно спросил Блэк. – А что можно установить по мозгу робота? Он позитронный, а наш – клеточный, Он металлический, а наш – белковый. Они разные. Они несопоставимы. Но я уверен, что, получив эти данные и решив, что им известно уже все, они пошлют в гиперпространство человека. Бедняга! Поймите, не в смерти дело. Дело в полной утрате рассудка. Если бы вам довелось видеть того шимпанзе, вы бы меня поняли. Смерть – стерильна и окончательна. Другое дело...

Журналист спросил:

– Вы это с кем-нибудь обсуждали?

– Да, Они твердят то же, что и вы. Что я противник роботов. Простое объяснение. Посмотрите на Сюзен Кэлвин, Уж

она-то точно ничего против роботов не имеет. Она прилетела с Земли, чтобы увидеть этот эксперимент. Будь за пультом управления человек, она бы с места не сдвинулась. Да что толку об этом говорить!

– Продолжайте, – сказал Ронсон, – Это ведь еще не все.

– А что еще?

– Есть и другие проблемы. Вы объяснили про роботов. Но с чего вдруг такая секретность?

– Секретность?

– Не прикидывайтесь. Вдруг выясняется, что я не имею права передавать никаких сообщений. Что всем кораблям доступ сюда почему-то закрыт. В чем дело? Это же всего-навсего очередной эксперимент. О гиперпространстве и о том, чем вы здесь занимаетесь, известно всем. Для кого это тайна?

Блэк все еще находился во власти раздражения – на роботов, на Сьюзен Кэлвин, на ту историю с исчезнувшим роботом. И оно вылилось на несносного маленького журналиста с его несносными вопросиками.

«Посмотрим, – подумал он, – как ему это понравится».

– Вас действительно это интересует? – спросил он.

– Еще бы.

– Ну хорошо. До сих пор мы работали с гиперполем на объектах, в миллионы раз меньших, чем этот корабль, и запускали их на расстояния, меньшие в миллионы раз, А это значит, что сейчас возникнет гиперполе в миллиарды раз бо-

лее мощное, чем то, с которым мы имели дело, И точно предсказать последствия никто не может.

– То есть?

– Теоретически корабль должен долететь до заданной точки в районе Сириуса и вернуться в точку запуска. Но какой объем пространства унесет с собой «Парсек»? Неизвестно. Мы слишком мало знаем о гиперпространстве. Может улететь и астероид, на котором стоит корабль. Понимаете, если в наши расчеты вкралась хоть малейшая ошибка, он может вообще не вернуться, Или вернуться, уклонившись от заданной точки на миллиарды миль. И не исключено, что не только астероид сдвинется с места.

– А что еще?

– Не знаю. Тут есть элемент статистической неопределенности. Вот почему кораблям запрещено появляться поблизости. Вот почему до благополучного окончания эксперимента мы избегаем лишнего шума.

У Ронсона перехватило дыхание.

– А если обратная траектория приведет его на Гипербазу?

– Такая вероятность есть, – спокойно сказал Блэк. – Но небольшая. Иначе, уверяю вас, директора Шлосса здесь бы не было. Но математическая вероятность есть.

Журналист посмотрел на часы.

– Когда это все начнется?

– Минут через пять. Не бойтесь?

– Нет, – ответил Ронсон, но сел с озадаченным видом и

вопросов больше не задавал.

Перегнувшись через перила, Блэк посмотрел вниз. Шли последние минуты.

Робот зашевелился!

Все подались вперед; свет приглушили, чтобы лучше видеть происходящее внизу. Пока это было только первое его движение. Руки робота приблизились к рычагу.

Блэк ждал последнего момента, когда робот двинет рычаг на себя. В голове у него почти одновременно пронеслись все возможные варианты развития событий.

Сначала будет короткое мерцание. Это значит, что корабль прошел через гиперпространство и вернулся. Хотя промежуток времени чрезвычайно мал, абсолютно точное возвращение на исходную позицию невозможно. И поэтому обязательно будет мерцание.

После возвращения может выясниться, что приборы, которые должны были выровнять гиперполе на огромном корабле, не сработали, и тогда робот превратится в груды стального лома. И корабль тоже.

Или расчеты окажутся не совсем верными, и корабль попросту не вернется. Или, что еще хуже, вместе с кораблем не вернется и Гипербаза.

Конечно, все может и обойтись. Будет мерцание, и корабль вернется в целостности и сохранности. Робот, с неповрежденным мозгом, встанет с кресла и доложит об успешном завершении первого полета построенного людьми аппарата

за пределы Солнечной системы.

Шла последняя минута.

Последняя секунда: робот схватил рычаг и с силой притянул его к себе...

Ничего!

Мерцания не было, Все по-прежнему!

«Парсек» так и не покинул пределы нормального пространства.

Генерал-майор Кэллнер снял фуражку и стер со лба пот. Открывшаяся лысина состарила бы его лет на десять, но гримаса, исказившая его черты, уже успела дать тот же эффект. С момента неудачного запуска «Парсека» прошел почти час – и до сих пор ничего не было предпринято.

– Как это могло случиться? Как? Не понимаю.

Доктор Мейер Шлосс, который в свои сорок лет был корифеем молодой науки о гиперполе, безнадежно произнес:

– Теоретические расчеты верны. Даю голову на отсечение.

Где-то на корабле механическая неполадка. Только и всего.

Он говорил это уже раз десять.

– Я думал, что все проверено. – И это уже говорилось неоднократно.

– Да, сэр, было. И все же... – И это тоже было не ново.

Они сидели в кабинете Кэллнера, куда никому сейчас не было доступа, и смотрели друг на друга. Ни тот ни другой не смели взглянуть в сторону третьего собеседника.

Лицо Сьюзен Кэлвин, бледное, с тонкими губами, было бесстрастно. Она холодно привнесла:

– Можете утешаться тем, о чем я говорила вам еще раньше. Вряд ли из этого вышло бы что-нибудь путное.

– Сейчас не время возвращаться к старым спорам, – простонал Шлосс.

– Я и не спорю. «Ю. С. Роботс» поставляет роботов различных модификаций всем законным покупателям для использования в рамках закона. При этом свои обязательства мы выполнили, предупредив вас: нет никаких гарантий, что выводы о происходящем с позитронным мозгом можно переносить на мозг человека. За это мы ответственности не несем. Так что предмета для спора нет.

– Большие проблемы большого космоса, – вставил генерал Кэллнер слабым голосом. – Не будем это обсуждать.

– А что нам остается? – пробормотал Шлосс. – Не узнав в точности, что происходит с мозгом в гиперпространстве, мы не можем идти дальше. Мозг робота по крайней мере обладает способностью к математическому анализу. Это зацепка, начало. И пока мы не попытаемся... – Он исступленно посмотрел на нее. – Но дело не в вашем Роботс, доктор Кэлвин. Нас волнует не он и не его позитронный мозг. Черт возьми... – Он сорвался на крик.

Робопсихолог оборвала эту тираду, почти не повысив ровного, размеренного тона:

– Только без истерики. Мне довелось повидать немало

кризисных ситуаций, и истерика никогда еще не способствовала их разрешению. Мне нужно получить ответы на некоторые вопросы.

Полные губы Шлосса дрогнули, его глубоко посаженные глаза, казалось, совсем запали, остались только темные глазные впадины. Он резко спросил:

– Вы что-нибудь понимаете в практическом применении теории поля?

– Это не имеет значения. Я Главный Робопсихолог «Ю. С. Роботс». За пультом управления «Парсека» сидит позитронный робот. Как и другие такие роботы, он не продается, а сдается в аренду. Я имею право запрашивать информацию о любом эксперименте, в котором он участвует.

– Поговорите с ней, Шлосс, – рявкнул генерал Кэллнер. – Она... с ней можно договориться.

Доктор Кэлвин перевела свои светлые глаза на генерала, который присутствовал при разборе дела о потерянном Роботс, – вряд ли после этого он склонен ее недооценивать. (Шлосс в то время был в отпуске по болезни, а молва не идет ни в какое сравнение с личным опытом.)

– Благодарю вас, генерал, – сказала она.

Шлосс бросил на них беспомощный взгляд и пробормотал:

– Что вы хотите знать?

– Первый вопрос, естественно, таков: если проблема не в Роботс, то в чем же?

– Но это же очевидно. Корабль не двинулся с места. Вы что, ослепли?

– У меня прекрасное зрение. Но мне непонятно, почему такая паника из-за какой-то механической неполадки. Вам ведь это не в новинку?

Генерал пробормотал:

– Дело в расходах. Корабль чертовски дорог. Мировой Конгресс... ассигнования... – Он запнулся.

– Корабль не поврежден. Осмотр и устранение неполадок провести нетрудно.

Шлосс снова взял себя в руки, У него был вид человека, который поймал свою душу обеими руками, хорошенько встряхнул и поставил на ноги, Даже голос его звучал теперь спокойней.

– Доктор Кэлвин, когда речь идет о механических неполадках, имеется в виду, что на реле могла попасть пылинка, или из-за пятнышка масла нарушен контакт, или из-за кратковременного теплового расширения вышел из строя транзистор. Причин могут быть десятки. Сотни. Любая из них может оказаться временной. И в любой момент прекратить свое действие.

– То есть «Парсек» в любой момент все же может стартовать в гиперпространство и вернуться?

– Вот именно. Теперь вам понятно?

– Ничуть. Разве вы не этого хотите?

Шлосс поднял руки, как будто собираясь вцепиться себе

в волосы и рвануть их.

– Вы не специалист по теории поля.

– Это затрудняет объяснение, доктор?

– Корабль должен был, – с отчаянием в голосе сказал Шлосс, – совершить прыжок из одной точки пространства, определенной по отношению к центру гравитации Галактики, к другой, Вернуться он должен был в изначальную точку, обратная траектория была скорректирована с учетом движения Солнечной системы. За час, который прошел с момента запланированного старта «Парсека», Солнечная система изменила свое положение. Параметры, по которым рассчитывалось гиперполе, изменились. Обычные законы движения в гиперпространстве не действуют, и, чтобы вычислить новые, потребуется неделя работы компьютеров.

– То есть, если корабль стартует сейчас, он вернется в какую-то непредсказуемую точку в тысячах миль отсюда?

– Непредсказуемую? – Шлосс изнуренно улыбнулся. – Да. Я бы назвал это именно так. «Парсек» может очутиться в туманности Андромеды или, например, в центре Солнца, Во всяком случае шансов на его возвращение практически нет.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

– Итак, если корабль стартует, а это может случиться в любой момент, то несколько миллиардов долларов налогоплательщиков будут потеряны безвозвратно – как нам будет сказано – из-за брака в работе.

Генерал-майор Кэллнер вздрогнул, как будто в него вса-

дили острую булавку.

Робопсихолог продолжала:

– Значит, механизм генерации гиперполя на корабле нужно вывести из строя, и как можно скорее. Нужно что-то отсоединить, разъединить или отключить. – Она говорила как бы сама с собой.

– Это не так просто, – сказал Шлосс. – Мне трудно вам это как следует объяснить, поскольку вы не специалист в физике поля. Но это все равно что попытаться разомкнуть обыкновенную электроцепь, разрезав провода под высоким напряжением садовыми ножницами. Это может кончиться плохо. Это непременно кончится плохо.

– Вы хотите сказать, что любая попытка отключить механизм может выбросить корабль в гиперпространство?

– Любая попытка, сделанная наугад, наверняка приведет к этому. Действие гиперполя не ограничено скоростью света. Очень вероятно, что скоростных порогов для него вообще не существует, Единственно разумный выход – выяснить причину неудачи и понять, как можно без риска отключить поле.

– И как же вы предлагаете это сделать, доктор Шлосс?

Шлосс ответил:

– Мне кажется, что единственный выход – послать туда одного из наших роботов серии Нестор...

– Ни в коем случае! Что за глупость! – прервала его Сюзен Кэлвин.

Шлосс холодно сказал:

– Несторы знакомы с проблемами использования гиперполя. Они идеально...

– Об этом не может быть и речи. Вы не имеете права использовать наших позитронных роботов в таких целях без моего разрешения, А у вас его нет и не будет.

– Что вы предлагаете?

– Надо послать одного из ваших инженеров.

Шлосс ожесточенно замотал головой.

– Это невозможно. Слишком рискованно. Если мы лишимся и корабля, и человека...

– И все же ни Нестора, ни других роботов посылать нельзя.

Генерал сказал:

– Я... я должен связаться с Землей. Проблему надо решать на более высоком уровне.

Сьюзен Кэлвин резко возразила:

– На вашем месте я бы пока воздержалась, генерал. Не имея собственного плана действий, вы отдадите себя на милость правительства. Уверена – ничем хорошим это для вас не кончится.

– Но что же делать? – Генерал снова вытер лоб платком.

– Пошлите инженера. Другого выхода нет.

Шлосс посерел.

– Легко сказать – инженера. Но кого?

– Я об этом думала. У вас тут есть, кажется, молодой че-

ловек по фамилии Блэк. Я видела его на Гипербазе в прошлый приезд.

– Доктор Джералд Блэк?

– Да, кажется, так. Тогда он был холостяком, У него до сих пор нет семьи?

– По-моему, нет.

– Тогда вызовите его сюда, скажем, минут через пятнадцать, а я пока просмотрю его дело.

Сьюзен Кэлвин незаметно приняла командование на себя. Ни Шлосс, ни Кэллнер не стали с этим спорить.

Во время этого, второго, визита Сьюзен Кэлвин на Гипербазу доктор Блэк видел ее издали. Сам он не сделал ничего, чтобы сократить разделяющую их дистанцию. Теперь, когда его вызвали к ней, он рассматривал ее с неприязнью и отвращением. Он едва обратил внимание на стоящих позади нее Шлосса и генерала Кэллнера.

Он вспомнил, как стоял перед ней в прошлый раз, когда она ледяным тоном отчитывала его за исчезнувшего робота.

Холодные серые глаза доктора Кэлвин встретились с напряженным взглядом его темных глаз.

– Доктор Блэк, – сказала она, – полагаю, ситуация вам ясна.

– Да, – ответил Блэк.

– Нужно что-то предпринять. Корабль слишком дорог, чтобы терять его. Если все это выйдет наружу, финансирование проекта, вероятно, прекратится.

Блэк кивнул.

– Я думал об этом.

– Надеюсь, вы подумали и о том, что нужно послать кого-нибудь на «Парсек», чтобы выяснить, в чем неисправность и... э-э... предотвратить самопроизвольный запуск.

После короткой паузы Блэк резко сказал:

– Где вы найдете такого дурака?

Кэллнер нахмурился и взглянул на Шлосса. Тот закурил губу и посмотрел в пространство.

Сьюзен Кэлвин сказала:

– Конечно, не исключена возможность внезапного возникновения гиперполя, и тогда корабль может исчезнуть навсегда. С другой стороны, он может вернуться в какую-нибудь точку Солнечной системы. В этом случае для спасения человека и корабля будут приложены все силы.

Блэк сказал:

– Небольшая поправка: идиота и корабля!

Этот комментарий Сьюзен Кэлвин пропустила мимо ушей. Она сказала:

– Я просила генерала Кэллнера поручить это вам. Сделать это должны вы.

Блэк без промедления ровным голосом ответил:

– Я не предлагал своих услуг, мадам.

– На Гипербазе не найдется и десятка людей, обладающих достаточными для выполнения этого задания знаниями. Я остановила выбор на вас, поскольку я вас знаю. Вам понятна

суть дела...

– Послушайте, я не предлагал своих услуг.

– У вас нет выбора. Вы ведь не станете уклоняться от ответственности?

– От ответственности? А почему вы решили, что она лежит на мне?

– Потому, что лучше вас этого не сделает никто.

– Вы понимаете, какой это риск?

– Думаю, что да, – ответила Сьюзен Кэлвин.

– А я утверждаю, что нет. Вы не видели того шимпанзе. Послушайте, сказав, «идиота и корабля», я не выражал мнение, а говорил о факте. Я рискнул бы жизнью, при необходимости. Правда, без особого удовольствия, но рискнул бы. Но превратиться на всю оставшуюся жизнь в бессмысленное животное я не хочу, и точка.

Сьюзен Кэлвин задумчиво посмотрела на сердитое лицо молодого инженера, покрытое капельками пота.

– Пошлите одного из ваших роботов, робота НС-2! – кричал Блэк.

В глазах психолога появился холодный блеск. Она размеренно произнесла:

– Да, доктор Шлосс так и предлагал. Но роботы НС-2 сдаются нашей фирмой в аренду, а не продаются. Видите ли, стоимость каждого – несколько миллионов. Я, как представитель компании, решила, что они слишком дороги, чтобы рисковать ими в таком деле.

Блэк сжал дрожащие руки в кулаки, будто пытаетесь от чего-то удержаться.

– Так вы говорите мне... вы говорите, что предпочитаете послать меня, поскольку моя жизнь дешевле.

– Да, в общем, так.

– Нет, черт меня побери и вас заодно, – сказал Блэк.

– Ваше пожелание, доктор Блэк, может оказаться не так уж далеко от истины. Генерал Кэллнер подтвердит – это приказ. Насколько мне известно, вы здесь на полувоенном положении. За отказ выполнить задание вас могут отдать под трибунал и приговорить к тюремному заключению на Меркурии. А это, по-моему, достаточно похоже на ад, чтобы ваши слова приобрели буквальный смысл, – если бы я решила вас там навестить, что маловероятно. С другой стороны, если вы согласитесь отправиться на «Парсек» и выполните задание, это откроет большие возможности для вашей карьеры.

Блэк смотрел на нее налившимися кровью глазами, Сюзен Кэлвин сказала:

– Дайте ему пять минут на размышление, генерал Кэллнер, и готовьте корабль к отправке.

Двое охранников вывели Блэка из комнаты.

Джералду Блэку было холодно. Руки и ноги его не слушались. Ему казалось, что он наблюдает за собой со стороны, из какого-то далекого и безопасного места, и видит, как он садится в корабль и готовится лететь на «Парсек».

Ему не верилось в реальность происходящего. Он опустил

голову и сказал:

– Я согласен.

Но почему?

Он никогда не причислял себя к героям. Так почему же? Отчасти, конечно, потому, что ему пригрозили тюрьмой на Меркурии, Отчасти оттого, что страшно не хотелось выглядеть в глазах других трусом, а этот подспудный страх объясняет половину всех героических поступков.

Но главное было все-таки в другом.

На полпути к кораблю Блэка остановил Ронсон из Интерпланетери Пресс. Блэк взглянул на его раскрасневшееся лицо и спросил:

– Что вам нужно?

Ронсон сбивчиво пробормотал:

– Послушайте! Когда вы вернетесь, я хочу получить эксклюзивное интервью. Цена – ваша... Сколько захотите...

Блэк с силой оттолкнул его, сбив с ног, и пошел дальше.

В команде корабля было двое. Оба молчали и старались на него не смотреть. Блэку было все равно. Они сами напуганы до смерти. Корабль приближался к «Парсеку» как котенок, который осторожно, бочком подкрадывается к первому увиденному им в жизни псу, Н. них ему было наплевать.

В мыслях его был только один человек. Озабоченное лицо генерала Кэллнера и нарочито-решительное – Шлосса промелькнули перед ним лишь на мгновение и тут же исчезли. Он видел перед собой невозмутимое лицо Сьюзен Кэлвин.

Ее холодное, непроницаемое лицо.

Он всматривался в темноту, уже поглотившую Гипербазу...

Сьюзен Кэлвин! Доктор Сьюзен Кэлвин! Робопсихолог Сьюзен Кэлвин! Женщина-робот!

Интересно, по каким трем законам живет она. Закон Первый: «Защищай робота всеми силами, будь предан ему всем сердцем и душой», Закон Второй: «Интересы «Ю. С. Роботс» священны, в той мере, в какой это не противоречит Первому Закону». Закон Третий: «Заботиться о безопасности человека в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам».

«Интересно, – остервенело думал он, – она когда-нибудь была молодой? Хоть какие-то чувства ей по-настоящему доступны?»

Боже! Как ему хотелось сорвать с ее лица эту бесстрастную ледяную маску!

И он это сделает!

«Клянусь звездами, сделаю», – Думал он. Только бы выбраться из этой переделки, не сойдя с ума, – и он разделается с ней, с ее компанией и со всем подлым выводком роботов. Именно эта надежда, а не боязнь тюрьмы или жажда славы, вела его теперь. Именно она заставила почти забыть о страхе. Почти.

Один из пилотов, не глядя на него, пробормотал:
– Высаживайтесь здесь. До «Парсека» полмили.

– Разве вы не посадите корабль? – с горечью спросил Блэк.

– Это строго запрещено. От вибрации при посадке...

– А как же вибрация от моей посадки?

Пилот сказал:

– У меня приказ.

Блэк молча надел скафандр и подождал, когда откроют внутренний люк. Сумка с инструментами была прочно приварена к металлическим креплениям его скафандра справа.

Когда он вступил в люк, в наушниках шлема прошелестело:

– Удачи вам, доктор.

До него не сразу дошло, что это голос одного из пилотов. Им не терпелось поскорее выбраться из этого жуткого места, но их хватило хотя бы на то, чтобы попрощаться.

– Спасибо, – неловко, почти обиженно ответил Блэк.

И вот он вышел в открытый космос, медленно кувыркаясь, потому что, оттолкнувшись ногами от внешнего люка, он потерял равновесие.

Он видел перед собой «Парсек», а согнувшись и посмотрев назад, увидел между ног, как вырывается длинный хвост газа из боковых дюз корабля, взявшего обратный курс.

Он был один! Боже, совершенно один!

Доводилось ли кому-нибудь на свете испытывать такое одиночество?

Поймет ли он, с тоской подумалось ему, если... если что-нибудь случится? Осознает ли? Почувствует ли он, как рас-

судок его угасает, как меркнет и поглощается тьмой свет разума?

Или это произойдет мгновенно, как удар ножом?

В любом случае...

Он снова вспомнил шимпанзе, дрожащего, с бессмысленным ужасом в пустых глазах.

Астероид был под ним, в двадцати футах. Он равномерно плыл по космосу. За миллиарды лет ни одна песчинка не переместилась на нем, если не считать вмешательства человека.

И в этом незыблемом покое какая-то песчинка вывела из строя чувствительное устройство на «Парсеке» или комочек грязи в смазочном масле остановил какую-то деталь.

Может быть, достаточно небольшой вибрации, малейшего толчка от соприкосновения двух масс, чтобы снова привести эту деталь в движение, заставить ее двигаться в заданном направлении, создать гиперполе, и оно гигантским распускающимся веером заполнит все пространство.

Приближаясь к Нему, он согнул ноги для «мягкой посадки». От отвращения по телу пошли мурашки.

Он все ближе.

Вот – сейчас...

Все по-прежнему!

Только ощущение твердой поверхности, только неприятное нарастание давления: масса 250 фунтов (он сам и скафандр) даже в условиях невесомости полностью сохранила

силу инерции.

Блэк медленно открыл глаза навстречу свету звезд. Солнце излучало холодный блеск, смягченный защитным экраном шлема. Сияние звезд тоже было приглушено, но их расположение оставалось знакомым. Видя солнце и привычные созвездия, он понял, что все еще находится в Солнечной системе. Видна была даже Гипербаза – маленький тусклый серп.

Он застыл, неожиданно услышав в наушниках голос. Это был Шлосс.

– Мы видим вас, доктор Блэк. Вы не одни!

Это фразерство чуть не рассмешило Блэка, но он лишь сказал, тихо и отчетливо:

– Замолчите, Вы меня отвлекаете.

Пауза. И снова голос Шлосса, уже вкрадчивей:

– Если хотите, сообщайте, как идут дела, возможно, это ослабит напряжение.

– Информацию вы получите после моего возвращения. Не раньше, – ожесточенно сказал он и с тем же чувством нащупал покрытыми металлом пальцами приборный щиток на груди и отключил радио, Пусть говорят – в пустоту. У него свои планы. Если он сохранит рассудок, хозяином положения станет он.

С необычной осторожностью он встал на ноги, на Него. Его слегка покачивало: в почти полной невесомости произвольные движения мышц постоянно выводили его из рав-

новесия, тянули то в одну сторону, то в другую, На Гипер-базе было искусственное гравитационное поле: оно придавало телу устойчивость. Оказывается, он способен настолько отвлечься от ситуации, чтобы вспомнить об этом и оценить. Солнце скрылось за скалой. Расположение звезд заметно изменилось: астероид совершал полный оборот вокруг своей оси за час.

С места, где он стоял, был виден «Парсек», и он начал медленно, осторожно, почти на цыпочках приближаться к нему. (Без вибрации. Только без вибрации, умолял он сам себя.)

Быстро, почти незаметно для себя он прошел расстояние, отделявшее его от корабля. Он стоял у поручней, ведущих к внешнему люку.

Здесь он помедлил.

Корабль выглядел совершенно обычным. По крайней мере если не считать дважды опоясывающих его спиралью стальных выступов. Сейчас именно на них могут образоваться полюса гиперполя.

Им овладело странное желание дотянуться до одного из них и погладить. Порыв иррациональный, вроде мысли «А что если прыгнуть?», которая почти всегда приходит на ум, когда стоишь на крыше высокого дома и смотришь вниз.

Блэк сделал глубокий вдох и, расправив пальцы обеих рук, легким-легким касанием приложил ладони к стенке корабля. Он весь покрылся испариной.

Все по-прежнему!

Он обхватил рукой нижний поручень и осторожно Подтянулся. Жаль, что у него нет опыта действий в условиях нулевой гравитации, как у строителей кораблей. Чтобы преодолеть инерцию, а потом суметь остановиться, нужно точно рассчитать силы. Будешь тянуть лишнюю секунду – потеряешь равновесие и завалишься на стенку корабля.

Он лез медленно цепляясь кончиками пальцев, заноса бедра и ноги вправо, когда поднимал левую руку, и влево – когда правую.

Пройдя десяток ступеней, он нащупал внешний люк. Замок был помечен крохотным зеленым пятнышком.

И снова он помедлил в сомнении. Сейчас он впервые введет в действие механизмы корабля. Он мысленно пробежал глазами монтажные схемы и чертежи проводки. Если нажать на кнопку замка, энергия микробатареи откроет массивную металлическую плиту – внешний люк.

А дальше что?

Что толку гадать? Не зная, в чем неисправность, последствий расхода энергии предугадать нельзя. Он вздохнул и нажал на кнопку.

Отсек открылся легко, плавно и бесшумно. Блэк еще раз взглянул на знакомые созвездия (они были на месте) и шагнул в тускло освещенную пустоту. Внешний люк закрылся за ним.

Следующая кнопка: она открывает внутренний люк. И

снова он заколебался. Когда внутренний люк откроется, давление внутри корабля чуть-чуть понизится и пройдет несколько секунд, пока электролизеры не доведут его до прежнего уровня.

Ну и что?

К примеру, задняя обшивка чувствительна к давлению, но не настолько же.

Он снова вздохнул, уже не так глубоко (страх постепенно притуплялся) и нажал кнопку. Внутренний люк открылся.

Он вошел в командный отсек «Парсека», и у него забилося сердце: первое, что бросилось ему в глаза, был смотровой экран, усеянный звездами. Он заставил себя всмотреться.

Все по-прежнему!

Вот Кассиопея. Расположение звезд обычное, а он находится на «Парсеке». Что-то подсказывало ему, что худшее позади, Пройдя такой путь, он остался в пределах Солнечной системы и не потерял рассудок. Уверенность постепенно возвращалась к нему.

На «Парсеке» царило какое-то неестественное безмолвие. Блэку часто приходилось бывать на кораблях, и всегда там были какие-то признаки жизни, хотя бы шарканье ног, или стажер что-то напевал себе под нос. Д тут даже сердце бьется неслышно.

Робот сидел в кресле пилота спиной к нему. Он ничем не показал, что осознает его присутствие.

Блэк оскалил зубы в свирепой улыбке и резко сказал:

– Отпусти рычаг! Встань!

Собственный голос, прозвучавший в тесном помещении, оглушил его.

Он не подумал о том, что голос вызовет в воздухе вибрацию, но звезды за смотровым экраном были на месте.

Робот, конечно, не шелохнулся. Восприятие чего-либо было ему недоступно. Даже Первый Закон был ему сейчас нипочем. Он будто застыл навеки в середине действия, которое должно было, по замыслу, совершиться мгновенно.

Блэк помнил приказ, четкий и ясный: «Крепко схвати рычаг. Притяни его к себе, держи крепко. Крепко! Держи до тех пор, пока с пульта управления не поступит информация, что ты дважды пересек гиперпространство и.

Что ж, гиперпространство он не пересек еще ни разу.

Блэк осторожно приблизился к роботу. Тот сидел, крепко держа рычаг между коленями почти в положении пуска. Полный контакт должна была обеспечить температура его металлических рук, служивших как бы термоэлементом. Блэк машинально перевел взгляд на Показания термометра на пульте управления. Температура рук робота была 37 градусов по Цельсию, как и положено.

Он злобно подумал: «Здорово. Я один на один с этим истуканом и совершенно бессилён».

У него было одно желание – взять лом и разбить робота вдребезги. Он с удовольствием представил себе эту картину и ужас на лице Сьюзен Кэлвин (если это ледяное изваяние

вообще способно испытывать ужас, То разве что при виде разбитого робота).

Как и все позитронные роботы, этот обреченный был собственностью «Ю. С. Роботс», там он был сделан, и там прошел испытания.

Насладившись, насколько это возможно, картиной воображаемой мести, он успокоился и оглядел корабль. К цели он не продвинулся пока ни на шаг.

Он медленно снял скафандр. Осторожно опустил его на полку. Легко ступая, обошел все помещения, проверяя места стыковки поверхностей гиператомного двигателя, провода: реле.

Он ничего не трогал. Нейтрализовать гиперполе можно десятком способов, но любой шаг может оказаться губительным, если действовать наугад, хотя бы примерно не зная, в чем неполадка.

Так он снова оказался у пульта управления и в отчаянии крикнул в громоздкую, широкую спину робота: «В чем дело? Скажи!»

Ему вдруг захотелось сокрушить все разом; без разбора. Разломать все приборы и покончить с этим навсегда. Он приказал себе успокоиться. Пусть на это уйдет неделя – он все-таки выяснит, с чего надо начинать. Уж столько-то доктор Сьюзен Кэлвин вправе от него ожидать.

Он медленно повернулся и задумался. Все на корабле, на-

чина с двигателя и кончая каждым переключателем, было тщательно проверено и прошло испытания на Гипербазе. Любая неисправность почти исключена. На корабле нет ничего, что не...

Да конечно же есть! Робот! Он проходил испытания на «Ю. С. Роботс», и подразумевалось, что они, черт бы их побрал, понимают в своем деле.

Обычно говорили: робот всегда все делает лучше человека.

Это стандартное допущение было отчасти основано на рекламе самой же «Ю. С. Роботс». Они в состоянии сделать робота, лучше человека приспособленного к выполнению определенного задания. Не «так же хорошо», а «лучше».

Пока Джералд Блэк думал обо всем этом и смотрел на робота, сдвинув брови на низком лбу, в его глазах вдруг отразились изумление и пылкая надежда.

Он приблизился к роботу и обошел его кругом. Он смотрел на его руки, держащие рычаг в пусковом положении, казалось, застывшие так навсегда, разве что корабль встряхнет или у самого робота кончится запас энергии. Блэк прошептал:

– Точно. Бьюсь об заклад.

Он еще раз отступил, подумал и сказал:

– Иначе быть не может.

Он включил радио на корабле. Его антенна была уже настроена на волну Гипербазы. Он рявкнул в микрофон:

– Эй, Шлосс!

Шлосс откликнулся сразу:

– Господи, Блэк...

– Бросьте, – сухо сказал Блэк. – Речей не надо, Я хотел убедиться, что вы наблюдаете.

– Да, конечно. Мы все у экрана. Послушайте...

Но Блэк уже выключил радио. Он криво ухмыльнулся, глядя на телекамеру в командном отсеке, и выбрал ту часть генератора гиперполя, которая была им видна, Он не знал, сколько людей следит за происходящим, Может быть, только Кэллнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин, А может быть, весь персонал, В любом случае им будет на что посмотреть.

Он выбрал реле номер три. Оно находилось в стенной нише, закрытой гладким металлическим щитом, Блэк вытащил из сумки паяльник, засунул скафандр поглубже на полку (чтобы достать инструмент, ему пришлось перевернуть его) и подошел к реле.

Преодолевая остатки неуверенности, он поднял паяльник и приложил его к сварочному шву. Инструмент работал точно и быстро, его ручка слегка нагрелась. Щит открылся.

Блэк быстро, почти машинально оглянулся на смотровой экран корабля. Звезды на месте. С ним тоже все в порядке.

Это окончательно придало ему уверенности. Он поднял ногу и изо всех сил ударил ею по хрупкому механизму в нише.

Разлетелось вдребезги стекло, погнулся металл, вытекло

несколько капель ртути...

Тяжело дыша, он снова включил радио.

– Шлосс, вы слушаете?

– Да, но...

– Докладываю: гиперполе па «Парсеке» деактивировано.

Присылайте корабль.

Джералд Блок не ощущал себя героем, во всяком случае не более, чем когда отправлялся на «Парсек». Те, с кем он летел туда, вернулись, чтобы забрать его. На этот раз они посадили корабль, Они похлопали его по плечу.

На Гипербазе целая толпа встретила его восхищенными возгласами. Он с улыбкой помахал всем – как и положено герою, – но про себя пока не праздновал победу. Пока. Он лишь предвкушал ее. Триумф ждет его, когда он встретится со Сьюзен Кэлвин.

Он помедлил, спускаясь с корабля. Он искал ее глазами и не находил. Он увидел генерала Кэллнера – к тому вернулась вся его военная выправка, а на лице застыла маска грубовато-добродушного одобрения. Мейер Шлосс нервно улыбался. Ронсон из Интерплэнетери Пресс оживленно махал ему рукой. Сьюзен Кэлвин нигде не было.

Он отстранил Кэллнера и Шлосса.

– Сначала я вымоюсь и поем.

Он не сомневался, что пока, по крайней мере, он может диктовать условия кому угодно, даже генералу.

Охранники расчищали ему дорогу в толпе. Он вымылся и не спеша поел в вынужденном одиночестве, – впрочем, виноват в нем был он сам. Потом он вызвал Ронсона из Интерплэнетери и имел с ним краткий разговор. Больше он пока никого видеть не хотел: ему нужно было как следует отдохнуть. Все вышло куда лучше, чем он ожидал. Само несовершенство корабля оказалось ему на руку.

Наконец он позвонил генералу и приказал созвать совещание. Именно так: приказал. У генерал-майора Кэллнера чуть не вырвалось: «Есть, сэр!».

Они снова собрались вместе: Джералд Блэк, Кэллнер, Шлосс и даже Сьюзен Кэлвин. Но теперь первую скрипку играл Блэк. Робопсихолог сидела с каменным лицом, сохраняя неизменное спокойствие, но едва заметно ступшевалась.

Доктор Шлосс погрыз ноготь и осторожно начал:

– Доктор Блэк, мы все благодарим вас за проявленную храбрость и успешное выполнение задания. – И туг же добавил, как бы выпуская пар:

– И все же разбивать реле ногой... неразумный поступок, и в этом смысле он не вполне достоин вашего успеха.

Блэк ответил:

– Этот поступок был обречен на успех. Видите ли (и это был первый заготовленный им удар), к этому времени я уже знал, в чем дело.

Шлосс привстал.

– Да? Вы в этом уверены?

– Отправляйтесь туда сами и убедитесь. Это безопасно. Я объясню вам, как это проверить.

Шлосс медленно сел. Генерал Кэллнер воспринял эти слова с энтузиазмом.

– Что ж, прекрасная новость, если это действительно так.

– Это так, – сказал Блэк и перевел взгляд на Сюзен Кэлвин. Она сидела молча.

Блэк наслаждался ощущением своей власти. Он нанес второй удар:

– Дело было, разумеется, в Роботс. Вы слушаете меня, доктор Кэлвин?

Сюзен Кэлвин впервые подала голос.

– Да, слушаю. На самом деле я так и думала, Это единственный механизм на корабле, который не прошел испытания на Гипербазе.

На мгновение Блэк был сбит с толку.

– Раньше вы этого не говорили.

Доктор Кэлвин ответила:

– Как уже не раз отмечал доктор Шлосс, я не специалист в области гиперполя. Мое предположение было всего лишь догадкой и легко могло оказаться ошибочным. Я была не вправе создавать у вас предвзятое мнение перед выполнением задания.

Блэк сказал:

– Ну хорошо, а догадывались ли вы, в чем именно неполадка?

– Нет, сэр.

– Ну как же, ведь робот надежнее человека. В этом-то и дело, не странно ли, что виной всему оказалось именно главное достоинство ваших роботов? Насколько я понимаю, они надежнее человека?

Он хлестал ее словами, как кнутом, но она не попала на эту удочку.

Она просто вздохнула.

– Дорогой доктор Блэк. Я не несу ответственности за формулировки нашего отдела по рекламе и сбыту.

Блэк снова смутился. Она крепкий орешек, эта Кэлвин. Он сказал:

– Вы построили робота, чтобы он пилотировал «Парсек» вместо человека. Он должен был подать рычаг управления на себя, установить его в определенное положение, а затем тепло его рук должно было, обеспечив полный контакт, привести механизм в действие. Просто, не правда ли, доктор Кэлвин?

– Просто, доктор Блэк.

– И если бы робот не был надежнее человека, все было бы в порядке. К сожалению, на «Ю. С. Роботс» считали своим долгом сделать робота надежнее человека. Роботу было приказано крепко схватить рычаг, притянуть его к себе и держать. Крепко! Это слово было выделено, повторено, подчеркнуто. И робот выполнил приказ, Но вот незадача; робот раз в десять сильнее человека, в расчете на которого был

сконструирован рычаг.

– Вы хотите сказать...

– Я не хочу сказать, а говорю, что рычаг погнулся. Погнулся вполне достаточно для того, чтобы сместить спусковой механизм. И когда тепло рук робота сместило термоэлемент, контакта не произошло... – Он ухмыльнулся. – И это не просто неудача с одним роботом, доктор Кэлвин. Она символична: это провал самой идеи.

– Перестаньте, доктор Блэк, – ледяным тоном сказала Сьюзен Кэлвин. – Это уже не логические рассуждения, а проповедь миссионера. Робот обладает способностью адекватно понимать приказы, а также огромной силой. Если бы те, от кого исходил приказ, вместо глупого слова «крепко» использовали количественные термины, этого бы не случилось. Если бы ему сказали: «Потяни рычаг с силой сорок пять фунтов», – все было бы в порядке.

– Иначе говоря, – сказал Блэк, – несостоятельность робота должна возмещаться изобретательностью и интеллектом человека. Уверяю вас, что там, на Земле, это будет понято именно так, и «Ю.С. Роботс» вряд ли простится этот провал.

Генерал-майор Кэллнер, в голосе которого снова зазвучали властные нотки, сказал:

– Постойте, Блэк, вся эта информация – секретная.

– И ведь ваши утверждения, – вставил Шлосс, – еще никем не проверены. Мы пошлем на корабль людей и выясним это. Может оказаться, что дело вовсе не в Роботс.

– И вы постараетесь, чтобы был сделан именно такой вывод, не правда ли? Не думаю, что поверят именно заинтересованной стороне. К тому же я еще не все сказал. – У него был припасен третий удар, – С этого момента я отказываюсь от дальнейшего участия в проекте. Я подаю в отставку.

– Почему? – спросила Сьюзен Кэлвин.

– Потому что я, как вы сами отметили, доктор Кэлвин, миссионер. На мне лежит миссия. Мой долг рассказать на Земле: эра роботов привела к тому, что человек ценится дешевле робота. Теперь можно рисковать человеком потому, что нельзя рисковать роботом. Я полагаю, что земляне должны об этом узнать. Многие и так уже относятся к роботам с опаской. «Ю.С. Роботс» пока еще не добилась законодательного разрешения на использование роботов на Земле. Думаю, что мое мнение окончательно решит дело, доктор Кэлвин. В результате того, что произошло сегодня, с вами, вашей компанией и вашими роботами во всей Солнечной системе будет покончено.

Блэк понимал, что предупреждать ее об этом не стоило, но был не в силах удержаться. Он ждал этого момента с тех пор, как отправился на «Парсек», и не мог отказать себе в удовольствии.

Он с торжеством заметил, как блеснули на мгновение светлые глаза Сьюзен Кэлвин и слегка порозовело ее лицо.

– Ну, что вы мне на это скажете, ученая дама?

Кэллнер сказал:

– Никто не разрешит уйти вам в отставку, Блэк, и никто...

– А как вы мне помешаете, генерал? Вы что, забыли – ведь я герой. А на старушке Земле героев всегда носили на руках. Они захотят узнать, как было дело, и поверят всему, что я скажу. И им не понравится, если кто-то попытается мне помешать, по крайней мере пока я герой новый, с иголки. Я уже сказал Ронсону из Интерплэнетери Пресс, что у меня есть сенсационная новость, – новость, из-за которой полетят со своих мягких кресел все правительственные чиновники и чиновники от науки. Так что Интерплэнетери не терпится узнать, что же я скажу. Поэтому мешать мне нельзя, разве что убить. И даже если вы это сделаете, вряд ли вам это поможет.

Реванш был полным. Он сказал им все, что хотел. Он поднялся, чтобы уйти.

– Минутку, доктор Блэк, – тихо и властно сказала Сьюзен Кэлвин.

Блэк невольно обернулся, как школьник на учительский голос, и, чтобы скрыть это, издевательски спросил:

– Я полагаю, вы хотите что-то объяснить?

– Вовсе нет, – натянуто ответила она. – Вы прекрасно все объяснили за меня, Я остановила выбор на вас, так как думала, что вы быстрее других разберетесь в ситуации. Мы уже встречались. Я знала, что вы противник роботов и, следовательно, не питаете относительно них иллюзий. Из материалов вашего дела, которое я просмотрела прежде, чем дать

вам задание, я узнала, что вы были против посылки робота в гиперпространство. Вашему начальству это не понравилось, но я сочла, что это говорит в вашу пользу.

– Простите за грубость, но я не понимаю, о чем вы, доктор.

– О том, что вы должны были понимать, почему роботу давать это задание нельзя. Вы же сами сказали: несовершенство робота приходится компенсировать изобретательностью и разумом человека. Именно так, молодой человек, именно так. Роботы лишены изобретательности. Их интеллект ограничен и может быть полностью просчитан. В этом, собственно, и состоит моя работа.

Получив приказ, *точный* приказ, робот его выполняет. Если приказ не точен, он не в состоянии исправить ошибку сам. Вы ведь сами говорили об этом, вернувшись с корабля. Так как же посылать робота искать неисправность, если мы сами не знаем, в чем она состоит, а значит, и не можем дать ему точного приказа? «Найди неисправность» – такой приказ можно дать только человеку, но не роботу, Возможности человеческого мозга, пока по крайней мере, точному просчету не поддаются.

Блэк резким движением сел и смятенно посмотрел на психолога. Ее слова заставили его снова осознать то, что под напором эмоций как бы задвинулось в глубь подсознания, Ему нечего было возразить. Хуже того, его охватило ощущение полного бессилия.

Он ответил:

– Вы могли бы сказать все это раньше.

– Могла, – согласилась доктор Кэлвин, – но я увидела, что вы, и это вполне естественно, боитесь потерять рассудок. Охватившая вас тревога скорее всего помешала бы проведению расследования. И я подумала: пусть он считает, что я посылаю его только потому, что ценю работа дороже человека. Я подумала: это его разозлит, а гнев, дорогой доктор Блэк, бывает очень полезен. Во всяком случае он притупляет страх. По-моему, так и получилось. – Она небрежно сложила руки на коленях, и на лице ее появилось слабое подобие улыбки.

– Черт возьми, – сказал Блэк.

Сюзен Кэлвин продолжала:

– А сейчас, если позволите дать совет, возвращайтесь к своей работе, будьте героем и расскажите вашему приятелю журналисту подробности героического деяния. Пусть это и станет обещанной ему сенсацией.

Блэк медленно, неохотно кивнул.

К Шлоссу вернулось спокойствие; Кэллнер обнажил зубы в улыбке. Они молча попрощались с ним за руку. Пока говорила Сюзен Кэлвин, они тоже не проронили Ни слова.

Блэк сдержанно обменялся с ними рукопожатием и сказал:

– Героиней следовало бы объявить вас, доктор Кэлвин.

– Не говорите глупостей, молодой человек, – ледяным тоном ответила Сюзен Кэлвин. – Это моя работа.